

ХРАНИТЕЛЬ МЁРТВЫХ БУКВ

АРТЕМ САМАРСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артем Самарский
Хранитель мертвых букв

«Автор»

2025

Самарский А.

Хранитель мертвых букв / А. Самарский — «Автор», 2025

Мир закончился в мае 2022-го. Небо почернело навсегда. Теперь есть только холод, пепел и жестокий закон выживания. Артём Семёнов, бывший водитель-телохранитель, стал идеальным хищником в этом новом аду. Он не ищет сообщества и не верит в спасение. Его кодекс прост: двигаться, прятаться, ни во что не ввязываться. Его цель — выжить сегодня, чтобы завтра повторить это снова.

© Самарский А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Накладная	5
Глава 2: Последний Груз	7
Глава 3: Первый день Ада	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Хранитель мертвых букв

Глава 1: Накладная

Артём Семёнов. Двадцать лет. Инкассатор.

Нет, не так. Не инкассатор еще. Пока только старший в экипаже. Но «инкассатор» звучит солиднее. Тверже. Как бронезилет под униформой. Меня зовут Артём Викторович Семёнов. Я родился 12 марта 2002 года в Самаре, в роддоме на улице Медицинской. Иронично, да? Родился среди врачей, а взрослеть пришлось с пустотой внутри. Родителей не помню. Они разбились на «семёрке» по дороге из Тольятти, когда мне было три. Меня вырвало с заднего сиденья – так сказала потом бабушка. Чудо. Единственное, наверное, в моей жизни.

Бабушка, Галина Петровна, доросла. Сухая, строгая, с глазами цвета старого льда. Не целовала на ночь. Говорила: «Жалеть себя – слабость. Мир тебя уже один раз пожалел, второго шанса не будет». Она и отправила меня в армию, как только исполнилось восемнадцать. Не в университет, куда я кое-как пробился бы на бюджет, а по контракту в Нацгвардию. В Отдельную дивизию оперативного назначения. «Там тебя хоть-хоть чему-то путному научат, Артём. Порядку. А то ходишь, словно тень, сам себя не чувствуешь».

Она была права. Армия дала то, чего не было: форму. Не просто камуфляж, а внутреннюю форму. Чёткие правила: если приказ – выполнять. Если пост – не сходить. Если товарищ – прикрыть. Это было просто. Понятно. Я служил в Ростове-на-Дону, охранял какие-то склады. Не стрелял ни разу. Но научился главному – гасить внутри себя всякий шум. Страх, сомнение, тоску. Превращать их в молчаливое, механическое действие. Бабушка умерла за месяц до моей демобилизации. Инфаркт. Один в пустой хрущёвке. Я приехал на похороны в увольнительной. Соседка сказала: «Она не жаловалась. Говорила, ты теперь на ногах, крепкий». Крепкий. Да. Как бетонный столб. Пустой внутри.

После армии надо было как-то жить. Опыта – ноль. Образования – школьный аттестат. Но в графе «особые навыки» можно было смело писать: «Умею не думать. Умею выполнять. Умею терпеть». Это оценили в частной службе безопасности «Щит-Самара». Взяли водителем-телохранителем к Михаилу Леонидовичу Старостину, владельцу трёх частных клиник и сети аптек. Не криминальный авторитет, а респектабельный бизнесмен. Пенсионер, бывший хирург. Ему нужен был не громила, а молчаливый парень с армейской выправкой, который не будет болтать и сможет, в случае чего, принять удар на себя. Фигурально. В основном моя работа сводилась к тому, чтобы в идеально отглаженном чёрном костюме возить его на «шестисотом» Мерседесе с тонировкой на встречи, в театр, на дачу. Стоять у машины, смотреть по сторонам. Носить портфель. Быть тенью. Родной статус.

Платили хорошо. Невероятно хорошо для парня с моего района. Снял однокомнатную на окраине, купил нормальные ботинки. Жил от получки до получки, копил на курсы... на какие, сам не знал. Просто копил. Будто заполнял ту пустоту внутри чем-то материальным, бумажками с водяными знаками. Они казались надёжнее чувств.

Михаил Леонидович был ко мне хорош. Строг, но справедлив. Иногда, в долгих пробках, рассказывал про медицину, про то, как спасал людей. Я молча слушал. Мне казалось, он видит во мне не телохранителя, а что-то вроде последнего пациента – того, кого уже не вылечить, но можно хотя бы поддерживать в стабильном состоянии.

Сегодня, 14 мая 2022 года, у нас был простой маршрут. Утром – от его особняка в Загородном парке до офиса в центре. Потом – на встречу с инвесторами в ресторан на набережной. Вечером – обратно на дачу, в Васильевку. Всё по графику. Всё как всегда.

Я сидел за рулём, чувствуя под пальцами дорогую кожу. В зеркале заднего вида – седая голова Михаила Леонидовича, погружённая в чтение документов. Я смотрел на дорогу, на пыльные от весеннего ветра улицы Самары, на знакомые вывески. Ничто не предвещало.

А пустота внутри, та самая, с трёх лет, тихо и привычно ныла. Как зажившая кость перед дождём. Я думал, это просто я. Оказалось – нет. Это мир готовился сломаться. И моя пустота была всего лишь точной его копией, сделанной заранее.

Глава 2: Последний Груз

14 мая 2022 года. 14:17.

Шум стал первым. Не взрыв, а именно шум. Глухой, тяжёлый гул, идущий сквозь асфальт и кузов «Мерседеса», будто землю где-то рядом разорвали гигантской когтистой лапой. Потом машину качнуло. Не от удара воздушной волны, а от резонанса – будто сам воздух задрожал.

Я автоматически жму на тормоз. Мы на выезде с Московского шоссе, перед мостом через реку Самара. Впереди – обычная для субботы пробка. Сзади – тоже.

– Артём? Что это? – Голос Михаила Леонидовича из-за спины ровный, но с лёгкой натянутой стрункой озабоченности. Он отрывается от бумаг.

Я уже смотрю в зеркало заднего вида, потом направо, на восточную окраину города. Там, за низкой рыжей дымкой смога от ТЭЦ, происходит что-то не так. Небо не просто светлеет. Оно вспучивается. Сперва ослепительно-белая вспышка, молниеносно прожигающая облака. Ещё доля секунды – и на её месте выпирает, растёт с невообразимой скоростью грязно-оранжевый, раскалённый шар. Он пожирает небо. Он беззвучен. Вся эта адская картина – в гробовой тишине, которая страшнее любого гула.

Потом звук настигает нас.

Это не «ба-бах». Это вселенский хруст, рёв и скрежет одновременно. Бьёт по барабанным перепонкам, по грудной клетке. Стекла в машине выгибаются внутрь, но не бьются – тонировка и бронирование держат. По кузову проходит судорога. Впереди, в пробке, бьют клаксоны от испуга, потом глохнут. У нескольких машин одновременно срабатывают сигнализации, заливаясь беспомощной, механической истерикой.

Я действую на автопилоте. Ноги уже выжимают сцепление, правая рука бросает «автомат» в «драйв», левая крутит руль. Надо съехать с моста. Мост – смертельная ловушка. Надо к берегу, к хоть какой-то низине.

– Держитесь! – бросаю я, уже не соблюдая субординацию, и бросаю машину на обочину, сминая отбойник.

И тут на нас накатывает вторая волна. Не ударная. Человеческая.

Они высыпают из машин. Сначала по одному, растерянно оглядываясь. Потом – толпой. Они не видят гриб, он ещё не поднялся – его закрывают дома. Они видят панику соседа и слышат вой сирен, который теперь прорезается из радиоприёмников. И они начинают двигаться. Непонятно куда. Просто отсюда.

Наш бронированный «Мерседес», пытающийся протиснуться против потока, становится фокусом их слепой ярости. В него бьют кулаками. Пинают. Кто-то швыряет бутылку. Она со звоном разбивается о лобовое стекло, оставляя мокрый след.

– Выезжай на тротуар! Дави забор! – командует Михаил Леонидович. Его голос режет панику, как скальпель. Он видел такое. Не такое масштаба, но видел толпу в истерике.

Я газу, колёса срываются в пробуксовку, машина кренится, съезжает на тротуар, сминая хлипкое ограждение из сетки-рабицы. Мы прорываемся метров на пятьдесят. И упираемся в стену из людей. Они уже не просто бегут. Они осатанели. В их глазах – животный ужас, который ищет виноватого. И виноватый – это мы. Чёрная дорогая машина. Символ другого мира, который их предал, обманул и теперь, видимо, взорвал.

Толпа смыкается. Наш капот, лобовое стекло – сплошное месиво из тел, кулаков, искажённых ртов. Машину раскачивают.

– Артём, слушай меня, – говорит Михаил Леонидович, и я в зеркале вижу, как он спокойно, почти clinically, складывает бумаги в портфель. – За мной не иди. Понял? Ты везешь в багажнике... кое-что для клиники. Экспериментальные антибиотики. Их нельзя бросать. Твоя задача – доставить их на дачу. В сейф. Это приказ.

– Нет, – хриплю я, одной рукой пытаюсь дать задний ход, другой – нащупывая ручку двери. Моя работа – защитить его. Вот и всё.

– Семёнов! – он впервые обращается ко мне по фамилии, и это звучит как выстрел. – Я – твой работодатель. Это – последняя задача. Исполни её.

Дверь с его стороны срывается с петель под напором десятка рук. Я вижу, как его вытягивают наружу, как его серый пиджак мелькает в море тел.

Мой инстинкт кричит «В бой!». Но мое тело, десять лет приученное к дисциплине, к выполнению приказа, замирает на долю секунды. «Твоя задача – доставить груз».

Эта доля секунды решает всё. Я вижу, как его поднимают на руки. Не для спасения. Я вижу, как блеснул в чьей-то руке гаечный ключ. Потом – быстрое, резкое движение. И серый пиджак, и седые волосы исчезают в гуще тел.

Что-то во мне ломается. Тихо, беззвучно. Как перегоревший предохранитель.

Я бросаю взгляд на свой груз – на портфель на пассажирском сиденье. На багажник с «экспериментальными антибиотиками». Потом – на растерзанное пространство там, где только что был человек, который мне платил, которому я должен был прикрыть спину.

Приказ есть приказ.

Я с диким рёвом двигателя даю задний ход, сбивая с ног тех, кто стоит сзади. Потом бросаю машину вперёд, прямо на толпу. Люди разбегаются, падают. Кто-то бьётся о капот. Я не останавливаюсь. Я прорываюсь. Стекло покрыто паутиной трещин и тёмными брызгами. Я не смотрю по сторонам. Я смотрю только на дорогу. На дорогу к даче.

Мой последний груз – не в багажнике. Мой последний груз – это тишина, которая теперь навсегда поселилась у меня внутри. И чувство, что я только что, под рёв толпы и завывание сирен, похоронил там последние остатки того, кем был.

Глава 3: Первый день Ада

14:25

Я не еду. Я бегу на машине. Левый указатель поворота на дачу «Васильево» давно мигал, как судорожный тик, но я его не замечаю. Руки сжали руль так, что кожа на костяшках побелела. Зрение туннельное: только дорога, её разметка, проплывающие столбы. Всё остальное – шум в ушах, солёный привкус во рту от пересохших губ и одна картина на сетчатке: седые волосы, исчезающие в грязной толпе рубах и курток.

В голове стучит одна фраза, как ритм метронома: Задание выполнил. Задание выполнил. Груз в багажнике. Доставить на дачу.

14:33

Я сворачиваю с асфальта на грунтовку, ведущую к коттеджному посёлку. Машину бросает на ухабах. Где-то сзади, далеко позади, над городом уже встаёт столб чёрного, неправильной формы дыма. Он не похож на гриб из фильмов. Он похож на гниющее дерево, выросшее из недр земли и прорвавшее небосклон. Стекло со стороны пассажира всё в бурых разводах. Я не смотрю. Я не могу смотреть.

14:40

Калитка на участок Михаила Леонидовича – массивная, кованая, с электроприводом. Я вываливаюсь из машины, ноги подкашиваются. Нажимаю на брелок. Ничего. Питание отключено. Дёргаю калитку – на замке. Изнутри. Значит, охрана есть, сторожа. Они в домике у ворот.

Бью кулаком по железным прутьям.

– Открывайте! Семёнов! Открывай, черт!

Из калитки выдвигается глазок, щёлкает засов. Дверь открывает Василий, бывший меновский прапорщик, седой, крепкий мужик. Он смотрит на меня, на разбитую машину за моей спиной, потом за мой плечо, ища второго пассажира.

– Артём? Где Михаил Леонидович?

– Нет его, – выдавливаю я. – Впусти. Срочно.

Василий отступает, пропуская. Я втаскиваю машину во двор, Василий тут же захлопывает калитку на все замки.

– Что случилось? Слышали грохот...

– Взорвали. В городе. Надо сидеть тут. Всё по плану «Гроза».

«Гроза» – это устный протокол на случай беспорядков, теракта. Укрыться в главном доме, запереться, ждать. Никто не думал, что «Гроза» будет такой.

14:50

Я захожу в дом. Мраморный пол, лепнина на потолке. Тишина. Свет горит – свой генератор. В доме ещё двое: повар Лидия и второй охранник, молодой парень Витя. Они в столовой, смотрят в окно на чёрное небо. На лицах – застывшее непонимание.

– Артём Викторович... что происходит? – Лидия оборачивается, и её взгляд тоже ищет за моей спиной хозяина.

Мне не хватает воздуха объяснять. Не хватает слов. Я просто показываю рукой в сторону города.

– Всё. Там... всё. Михаила Леонидовича нет. Мы – тут.

В глазах у Лидии появляется ужас. Витька тупо моргает.

– Никого не впускать, – команду я голосом, которого сам не узнаю. Он плоский, без интонаций. Армейский. – Василий, периметр. Витька, проверь оружие в сейфе. Лидия, сведи все продукты в подсобку, посчитай. Воды сколько?

Я действую на автомате. Так, как учили на службе: при потере командира, старший по званию (или должности) принимает командование. Здесь я старший. Значит, команду я.

15:00

Я стою в гараже рядом с «Мерседесом». Багажник открыт. Там, под ложным дном, не антибиотики. Там два кейса. В одном – наличная валюта, доллары и евро, на чёрный день. В другом – то, за чем Михаил Леонидович ездил в Тольятти: коммерческие образцы новых антирадиационных препаратов и стимуляторов для иммунитета. Опытные партии. Бесценные сейчас. «Груз». Я вытаскиваю оба кейса. Они тяжёлые. Несу в кабинет, прячу в сейф. Сейф закрывается с мягким щелчком. Задание выполнено.

15:15

Возвращаюсь к машине. Надо очистить стекло. Беру ведро, тряпку. Тёплая вода смывает грязь, пыль. Но бурые разводы не оттираются. Они – как тень. Я тру сильнее. Они бледнеют, растекаются, но не исчезают. В отражении в мокром стекле вижу своё лицо. Оно серое, глаза широко открыты, будто до сих пор не могут поверить в то, что увидели. Я отбрасываю тряпку. Хватаюсь за грудь, делаю первый за этот час глубокий, судорожный вдох. Потом второй. Воздух обжигает лёгкие.

15:30

Собираю всех в гостиной. Василий докладывает: связь с городом мертва, мобильная сеть не ловит, в эфире только вой сирен да панические крики на гражданских частотах. Еду по подсчётам Лидии хватит на неделю, если экономно. Воды в скважине много, но насос на электричестве. Генератор работает на солярке, запас – на пару суток непрерывной работы.

– Будем экономить свет, – говорю я. – Витька, отключи всё, кроме холодильника, морозилки и насоса. Дежурство по графику. Я – первый.

16:00

Я сижу на посту у монитора системы видеонаблюдения. Двадцать камер показывают периметр, пустые улицы посёлка, лес. На одной из камер, направленной на дорогу, появляется фигура. Человек бежит. Спотыкается, падает, поднимается, снова бежит. Он что-то кричит, но микрофоны не улавливают. Он подбегает к нашим воротам, начинает колотить в них, потом хватается за прутья и трясёт. Я вижу его перекошенное лицо в камере. Он не угроза. Он – паника в человеческом облике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.